

Иронические высказывания в русской художественной прозе 1920-х гг.: коммуникативно-прагматический и стилистический аспекты

Н.А. МИХАЛЬЧУК

В статье анализируются типы и функции иронии в русской художественной прозе 1920-х гг. Выявлено, что основная функция иронии в повести М. Булгакова «Собачье сердце» и в рассказах М. Зощенко – выражение неодобрения и критики, в то время как в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония используется с целью избежания конфликтов, усиления речевого воздействия. Обосновывается важная роль в текстах М. Булгакова и И. Ильфа и Е. Петрова «диад с противоположными членами», а в прозе М. Зощенко – авторской иронии. В сфере речевого общения в анализируемых текстах «диссонанс» преобладает над «унисоном».

Ключевые слова: непрямая коммуникация, ирония, иронические высказывания.

The article analyzes the types and functions of irony in Russian fiction of the 1920s. It has been revealed that the main function of irony in M. Bulgakov's novel «The Heart of a Dog» and in the stories by M. Zoshchenko is an expression of disapproval and criticism, while in the novel «The Twelve Chairs» by I. Ilf and E. Petrov irony is used to avoid conflicts, to enhance speech impact. The important role in the texts by M. Bulgakov and I. Ilf and E. Petrov of «dyads with opposite members» is substantiated, and in the prose by M. Zoshchenko – the author's irony. In the sphere of speech communication, «dissonance» prevails over «unison» in the analyzed texts.

Keywords: indirect communication, irony, ironic statements.

Введение. В качестве одной из разновидностей непрямой коммуникации в научной литературе трактуется ирония, которая представляется ярким случаем расхождения между явным пластом смысла высказывания – его собственным значением и скрытым, «подлинным» пластом – прагматическим значением [1], [2], [3]. Статус иронии до сих пор является невыясненным и определяется исследователями в широком диапазоне терминов: как речевой жанр, речевой акт, речевая стратегия, речевая тактика, дискурсивная практика [1], [4], [5], [6], [7].

О.П. Ермакова дифференцирует иронию в зависимости от формы высказывания и различает ее реализацию в слове, в словосочетании, в синтаксических конструкциях, выходящих за их рамки [4]. И.Б. Шатуновский справедливо показывает, что иронию неправомерно сводить только к косвенному речевому акту, так как это гораздо более широкое и многоплановое явление: оно может быть отмечено как на уровне высказывания, отрезка текста, так и на уровне номинации, может относиться к иллюкутивному действию, но может и проявляться в тексте как общая тональность повествования, например, как общеироническое отношение автора к персонажу [6]. В научном труде К.М. Шилихиной доказывается, что статус иронии должен определяться как дискурсивная практика, то есть «принятый в языковом сообществе способ говорить о чем-либо» [7].

Одним из основных показателей иронии лингвисты называют аномальность семантики, частичное или полное несоответствие содержания высказывания действительности, реальной речевой ситуации, языковым или внеязыковым нормам, правилам, его неуместность [6], [7]. Дифференциальным признаком иронии, позволяющим ее отличать от юмора, считается «критичность» иронии по отношению к своему объекту [6], имплицитно выраженная «негативная деонтическая оценка» [7].

Исследуя иронию в коммуникативно-прагматическом аспекте в художественном тексте 1920-х гг., мы берем за основу следующее наше определение: «Ирония – это непрямая реализация коммуникативных интенций в смеховой, «несерьезной» форме, которая характеризуется несоответствием высказывания реальной ситуации и в содержание которой включается компонент критической оценки определенного объекта». Мы предлагаем классифицировать и рассматривать иронию в зависимости от типа коммуникативной единицы, в пределах которой она обнаруживается: на уровне микроречевого и макроречевого актов, компонента высказывания, диалогического единства, дискурса персонажа, речевого жанра (текста).

Цель данной статьи – выявление специфики употребления иронических высказываний в диалоговом взаимодействии персонажей в произведениях русской литературы 1920-х гг.: типов и функций иронии, языковых и стилистических средств ее выражения. Материалом для исследования послужили произведения русских писателей 1920-х гг.: повесть М. Булгакова «Собачье сердце» [8], роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова [9], рассказы М. Зощенко [10].

Основная часть.

1. Типы и функции иронии в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония является стилевым показателем своеобразия текста и охватывает большой диапазон единиц коммуникации. Так, в диалоговом взаимодействии персонажей ирония была выявлена на уровне микроречевого акта, ср.: «*Больше вы ничего не хотите?*»; макроречевого акта, ср.: «*Как же вы узнали об этом? Использовали в своих интересах тайну исповеди? Очень хорошо! Очень красиво!*»; в пределах диалогического единства, ср.: «*Где же ваши усы, уважаемый Ипполит Матвеевич? – с невозможной язвительностью спросила духовная особа. – А ваши локоны где? У вас ведь были локоны?*»; отдельного компонента речевого акта, ср.: «*Как же насчет итанов, многоуважаемый слу- житель культа?*». Дискурс Остапа Бендера, с некоторой долей условности, можно отнести к ироническим, так как большое количество реплик героя характеризуется иронией.

1.1. Собственно иронические речевые акты. Употребительным в романе (18 контекстов) является наиболее типичный случай иронии, представляющий собой «диадю, состоящую из противоположных членов» (термин В.В. Дементьева). В таком ироническом речевом акте означаемое и означающее противопоставлены по значению, то есть прагматическое значение высказывания противоположно собственному значению. Диады с контрастом между «формой» и «содержанием» речевого акта в романе сводятся к трем основным типам:

1.1.1 похвала в значении неодобрения: «*В полночь дворник Тихон, хватаясь руками за все попутные палисадники и надолго прикикая к столбам, тащился в свой подвал. <...> – А! Пролетарий умственного труда! Работник метлы! – воскликнул Остап, завидя согнутого в колесо дворника*». Параметры ситуации: дворник пьян;

1.1.2 согласие в значении несогласия: «*– Подумай только, пожирать трупы убитых животных! Людоедство под маской культуры! Все болезни происходят от мяса. – Конечно, – с застенчивой иронией сказала Лиза. – Например, ангина*». Параметры ситуации: диалог молодых супругов. На иронию в примерах 1.1.1 и 1.1.2 указывают авторские ремарки, что облегчает процесс декодирования речевого акта;

1.1.3 поздравление в значении неодобрения: «*Это, кажется, ваш первый опыт в прозе? Поздравляю вас! <...> Ну, удружили же вы «Капитанскому мостику»!* Параметры ситуации: диалог редактора и автора.

От данного типа высказываний, который мы называем собственно ироническим, мы отличаем речевые акты с пропозициональным ироническим значением. В собственно ироническом высказывании механизм иронии осуществляется путем замены одной коммуникативной интенции на другую (противоположную), то есть реальной ситуации не соответствует сам речевой акт, например, согласие по существу является несогласием (термин И.Б. Шатуновского по отношению к такому речевому явлению – «иллокутивная ирония»). В высказываниях второго типа выраженное намерение является неизменным: например, косвенная просьба остается просьбой, отказ – отказом. Несоответствие высказывания реальности относится в данном случае только к пропозициональному содержанию речевого акта, но не к нему самому как речевому действию. Наиболее часто в романе иронизацией сопровождаются не прямые реализации интенций побуждения, отказа и неодобрения. Покажем это на примерах.

1.2. Речевые акты с пропозициональным ироническим значением.

1.2.1 Иронический отказ, ср.: «*– Тише вы, господа! Зачем он приехал, как вы думаете? На черном лице Виктора Михайловича определилась ироническая улыбка. – Ну, а вы как думаете? Он усмехнулся с еще большей иронией. – Уж во всяком случае не договоры с большевиками подписывать*». Параметры ситуации: Елена расспрашивает Виктора Михайловича о Воробьянинове. Ирония, которую эксплицирует авторская ремарка, способствует бесконфликтной реализации коммуникативной стратегии уклонения (отказа от прямого ответа на вопрос). «*За ним бежал беспризорный. – Дядя, – весело кричал он, – дай десять копеек! Молодой человек вынул из коридора нагретое яблоко и подал его беспризорному, но тот не от-*

ставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и тихо сказал: – Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат? Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих притязаний и отстал». Отказ от выполнения действия (с оттеком побуждения) «окрашивается» иронией, что ведет к эффективности реализации интенции, избеганию конфликта и достижению коммуникативной цели адресантом.

1.2.2 Ироническое несогласие, ср.: *«Место занято, – хмуро сказал Галкин. – Кем занято? – зловеще спросил кларнет. – Мною, Галкиным. – А еще кем? – Палкиным, Малкиным, Чалкиным и Залкиным. – А Елкина у вас нет? Это наше место»*. Параметры ситуации: пассажиры корабля, музыканты, спорят из-за места для репетиции. Вследствие использования иронии снижаются категоричность и импозитивность значения несогласия, являющегося зоной коммуникативного риска.

1.2.3 Ироническое побуждение, ср.: *«– Однако для предводителя дворянства у вас слишком мелкие масштабы. А технику этого дела вы знаете? Может быть, у вас в чемодане запрятан походный несессер с набором отмычек? Выбросьте из головы! Это типичное пижонство – грабить бедную вдову. Ипполит Матвеевич опомнился»*. Параметры ситуации: диалог Бендера и Ипполита Матвеевича. Ирония способствует действительному влиянию на собеседника, успешному побуждению Воробьянинова к тому, чтобы отказаться от замысла украсть стул у Грицацуевой. В следующем фрагменте текста при помощи иронии Остап Бендер склоняет Воробьянинова уже к противоположной цели – способствовать запланированной краже: *«– Но ведь это же... обман. – Кто это говорит? Это говорит граф Толстой? Или Дарвин? Нет. Я слышу это из уст человека, который еще вчера только собирался забрать ночью в квартиру к Грицацуевой и украсть у бедной вдовы мебель»*.

1.2.4 Ироническое неодобрение, ср.: *«Старые вещи покупаем, новые крадем!» – крикнул Остап вслед*». Параметры ситуации: диалог Бендера с отцом Федором.

Специфическая особенность коммуникации в романе «Двенадцать стульев» – частотность случаев комбинирования иронии с другими типами непрямой коммуникации. Так, в тексте произведения актуализированы следующие речевые формы:

– иронические намеки. Ср.: *«Когда их пути сошлись снова, Воробьянинов уронил: – Не ушиб ли я вас во время последней встречи? – Нет, отчего же, очень приятно было встретиться, – ответил ликующий отец Федор. <...> – Обедню небось уже не служите? – спросил он при следующей встрече. – Где там служить? Прихожане по городам разбежались, сокровища ищут. – Заметьте – свои сокровища! Свои! – Мне неизвестно, чьи, а только ищут»*. Воробьянинов адресует отцу Федору намеки о том, что был свидетелем его попыток найти и присвоить чужие драгоценности, но и священник делает такого же рода намеки собеседнику. Цель речевых действий – дать понять, что коммуниканты в курсе незаконной деятельности друг друга;

– ироническая манипуляция. Дискурс Остапа Бендера следует охарактеризовать как одновременно иронический и манипулятивный, а персонажа – как ироническую и манипулятивную языковую личность. *«– А ситечко кто взял? – Ах, ситечко! Из вашего неликвидного фонда? И это вы считаете кражей? В таком случае наши взгляды на жизнь диаметрально противоположны»*. Параметры ситуации: диалог Остапа с супругой;

– иронические сентенции. Ср.: *«За баллотированного двух небаллотированных дают», «Предоставим небо птицам, а сами обратимся к стульям», «Иногда яйцам приходится учить зарвавшуюся курицу»*.

Ирония на уровне компонента речевого акта, как правило, представляет собой лексему или сочетание лексем, использованные в значении, которое противоречит речевой ситуации, макроконтексту, пресуппозициям. Так, номинации «любимая», «любимая женщина», «злойная женщина, мечта поэта», употребляемые Бендером в диалогах с третьими лицами по отношению к Грицацуевой, являются ироническими: контекст предоставляет читателю сведения о браке персонажа по расчету. Характеристика «многоуважаемый служитель культуры», даваемая Кисой Воробьяниновым отцу Федору, сигнализирует о противоречии между духовным саном персонажа и его поступками и личностными качествами.

Среди языковых и стилистических средств репрезентации иронии в романе актуализированы следующие: вводные слова и конструкции («А может быть, вы хотите, чтобы я работал даром, да еще дал вам ключ от квартиры, где деньги лежат?»); трансформация устойчивых оборотов («Ближе к телу, как говорит Мопассан», «Не будьте божьей короной»), риторические вопросы («Кто в Советской России не подвергался опасности, тем более человек в таком положении, как Воробьянинов?»).

2. Иронические высказывания в рассказах М. Зощенко. В отличие от романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», в котором в качестве иронических личностей в речевом взаимодействии выражают себя в большинстве случаев герои, в рассказах М. Зощенко 1920-х гг. в диалогическом общении широко представлена не только ирония персонажей, но и автора.

Авторская ирония выявляется тогда, когда адресант, герой рассказа, порождает высказывание всерьез, но над его репликами автор иронизирует, так как они представляются ему аномальными, «ложными» по причине несоответствия реальной ситуации. В подобном случае один и тот же речевой акт совмещает в себе реплику-стимул и реплику-реакцию. Данный тип иронии характерен только для художественного дискурса, и он уже являлся в той или иной мере объектом научного изучения в трудах З.А. Заврумова [11], И.Б. Шатуновского (термин «авторская метаирония») [6].

Как показывают результаты нашего исследования, сигналами авторской иронии в прозе М. Зощенко 1920-х гг. могут выступать:

2.1. «Дискурсивный» конфликт. В речи персонажей в частном общении могут обнаруживаться многочисленные признаки официального дискурса, что демонстрирует неспособность героев к «дискурсивному» переключению, отсутствие необходимых для этого навыков коммуникации. Так, в рассказе «Любовь» в рамках романтического гипержанра наблюдаются речевые акты, которые были бы более уместны в деловой беседе: *«Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувство любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю»*. Возможен конфликт и между различными гипержанрами в рамках официального общения. Так, в рассказе «Лимонад» в реплике врача, пересказанной героем, наблюдаем контаминацию финансового дискурса и гипержанра врачебной практики: *«– У вас, – говорит, – полная девальвация. Где, говорит, печень, где мочевой пузырь, распознать, говорит, нет никакой возможности»*.

2.2. Смешение стилей. В рассказе «Актер» при реализации просьбы наблюдаем стилистическую «разнородность» языковых средств: *«Выручай, браток. Может, тот артист после очухается. Не срывай, говорит, просветительской работы»*. Ср.: *«Робеть, граждане, не приходится – раз, говорю, критический момент. Артист, говорю, сильно под мухой и не может к рампе выйтить. Блюет»*.

2.3. Конфликт унисона и диссонанса. В рамках одного высказывания могут сочетаться грубая лексика, направленная на обвинение, оскорбление, и формулы вежливости, нацеленные на согласие: *«– Не подходи, – говорю, – сволочи, честно прошу»*.

2.4. Несоответствие высказывания социальной роли говорящего. В рассказе «Исповедь» реплики священника о сомнении в вере не соответствуют его социальной роли, а в рассказах «Случай в провинции» и «Крестьянский самородок» речевые акты персонажей, считающих себя поэтами, характеризуют их как псевдолитераторов. Такая ирония подчеркивает «неистинность» статуса человека, отсутствие необходимых для него личностных качеств. Ср.: *«– А поэзия? – Какая поэзия, – сказал Иван Филиппович тараканьим голосом. – Жрать надо. Поэзия!»* («Крестьянский самородок»).

2.5. «Ложная», аномальная аргументация речевой интенции. В рассказе «Мадонна» девушка отвечает на вопрос жениха, почему его полюбила, следующим образом: *«Так, говорит, и полюбила. Мужчина, вижу, без угрей, без прыщей, ровный мужчина»*.

Анализ иронических высказываний в рассказах М. Зощенко 1920-х гг. свидетельствует об амбивалентном отношении автора к своим персонажам, представителям рабочего класса и крестьянства. С одной стороны, он относится к ним критически, с насмешкой, писателем изображаются языковые личности, не владеющие и минимальной коммуникативной компетенцией, не знакомые с культурой речи и нормами поведения в обществе, совершающие необъяснимые, с точки зрения логики, поступки. С другой стороны, иронию М. Зощенко можно назвать «горькой», «печальной», во многих контекстах она граничит с добрым юмором, в ней, на наш взгляд, выявляется как авторское сострадание героям, так и понимание причин несостоятельности их речевого поведения.

Ирония персонажей в прозе М. Зощенко 1920-х гг. преимущественно используется для выражения значений критики и неодобрения. Как правило, иронические высказывания персонажей содержат манифестации возмущения, неприязни, гнева. Ср.: *«Личность оскорбили, а теперь – идите. Рабочий, говорю, костюмчик не по вкусу?»* («Рабочий костюм»). *«– А какая, – говорю, – мне гарантия, что это царские? Может, – говорю, – какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их замест царских выдаете?»* («Царские сапоги»). Случаи употребления иронии с целью ухода от конфликтов во взаимодействии, для смягчения речевых интенций обнаружены в отдельных примерах.

В текстах М. Зощенко ирония регулярно встречается на уровне микроречевого и макроречевого актов. Отмечены единичные случаи иронических диалогических единств. В ряде рассказов («Рабочий костюм», «Стакан», «Аристократка») дискурсы главных героев можно охарактеризовать как иронические.

В рассказах М. Зощенко 1920-х гг. употребительными являются следующие языковые и стилистические маркеры иронии: существительные в форме множественного числа («в трактирах», «манишечки», «галстуки», «костюмчики»); эмоционально-оценочные адъективные лексемы в обращениях («милый», «уважаемая Мария Васильевна»), частицы, обозначающие эмоциональные оценки говорящего, его волеизъявление («ишь», «этак», «небось», «пуцай», «тоже»); грубо-просторечная лексика («жрать», «прет», «милиция за костюм человека вытирает»), риторические вопросы («Рабочего человека в ресторан не пуцать?»).

3. Иронические высказывания в повести М. Булгакова «Собачье сердце». Ирония персонажей в повести «Собачье сердце», как и в романе И. Ильфа и Е. Петрова, является типичным и явным проявлением речевой агрессии и редко используется в целях сохранения кооперации общения, для повышения эффективности воздействия на адресата. Ср. «Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно?» («Собачье сердце»). Общее у М. Булгакова и М. Зощенко – подчеркнуто неблагоприятный эмоциональный фон иронических речевых актов, которые, как правило, используются для осуществления интенций неодобрения и критики. Есть и различие между двумя текстами: иронию профессора Преображенского в повести М. Булгакова можно описать как «язвительную», «едкую», а иронию персонажей в прозе М. Зощенко – как «гневную», «возмущенную».

По нашему мнению, такая эмоциональная тональность иронических конструкций в прозе М. Булгакова и М. Зощенко свидетельствует об остроте противостояния между «уходящим» классом дворянства и представителями «новой России» в 1920-е гг., в целом о высоком уровне речевой агрессии в обществе в анализируемый период как в официальной коммуникации, так и в частном дискурсе.

В романе «Двенадцать стульев» эмоциональный фон иронических высказываний является более мягким, иронию следует охарактеризовать как «веселую», «легкую», «изящную», «шутливую». Иронические высказывания героев родственны шуткам и часто нацелены на действенное убеждение собеседника, на достижение коммуникативного компромисса, на более гармоничную реализацию неблагоприятных для адресатов интенций.

В повести М. Булгакова актуализированы «диады с противоположными членами» – косвенные речевые акты, в которых собственное значение высказывания и прагматическое значение противопоставлены друг другу. Выделяются два типа такого рода иронических конструкций – «одобрение в значении неодобрения» и «согласие в значении несогласия». Ср.: «Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, потом в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее» (Одобрение = неодобрение). «– Уж конечно, как же... – иронически заговорил человек и победоносно отставил ногу, – мы понимаем-с. Какие уж мы вам товарищи. Где уж» (Согласие = несогласие). Случаи иронии подобного типа были отмечены в пределах различных коммуникативных единиц: как на уровне речевого акта, так и в рамках компонента высказывания, номинации. Ср.: «В марте 17-го в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих». «– Итак, что говорит этот ваш прелестный домком? – Что ж ему говорить... Да вы напрасно его прелестным ругаете». Данная особенность употребления иронии сближает повесть М. Булгакова с романом И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

В обоих произведениях актуализированы также и иронические намеки. Ср. в повести М. Булгакова: «Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниям и распевать целый день, как соловей, вместо того чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не поспел» (намек Преображенского на деятельность людей, пришедших в органы управления в 1920 гг.).

Показательно, что в повести М. Булгакова «Собачье сердце» наблюдаются как черты сходства, так и различия в области иронических высказываний с обоими рассмотренными произведениями.

Среди языковых и стилистических средств репрезентации иронии следует указать на регулярность риторических вопросов (15 примеров употребления, ср.: «Почему калоши нуж-

но до сих пор еще запираешь под замок? И еще приставлять к ним солдата, чтобы кто-нибудь их не стащил?»). В меньшем количестве отмечены формы множественного числа имен существительных («Мы в университетах не обучались, в квартирах по 15 комнат с ванными не жили»), фразеологизмы («как по маслу», «кровный враг»), сравнения, адъективные лексемы со значением положительной оценки.

Заключение. Таким образом, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» ирония способствует эффективной косвенной реализации коммуникативных намерений отказа, несогласия, побуждения и неодобрения. Ирония в произведении не всегда реализована как форма речевой агрессии и нередко сближается с шуткой: во многих случаях коммуникативные намерения говорящего в результате иронизации осуществляются в более смягченном виде, менее категорично, что позволяет вернуть общение в русло кооперации.

В текстах рассказов М. Зощенко и повести М. Булгакова, напротив, ирония персонажей выступает как разновидность речевой агрессии, реализует интенции неодобрения и критики, характеризуется негативным эмоциональным фоном. Данная коммуникативная особенность указывает на напряженное противостояние между социальными классами в обществе и свидетельствует о преобладании «диссонансной» сферы речевого общения в 1920-е гг.

Как в романе И. Ильфа и Е. Петрова, так и в повести М. Булгакова «Собачье сердце» частотным является самый типичный случай иронии – «диады с противоположными членами». Персонажи М. Булгакова комбинируют иронию с намеком, герои И. Ильфа и Е. Петрова – с манипуляцией, намеком и сентенцией.

В прозе М. Зощенко 1920-х гг., наряду с иронией героев, важную роль играет авторская ирония.

К языковым и стилистическим средствам, выступающим маркерами иронии во всех проанализированных текстах или хотя бы в двух из них, относятся риторические вопросы, формы множественного числа имен существительных, фразеологизмы, адъективные лексемы со значением положительной оценки.

Литература

1. Дементьев, В. В. Основы теории непрямо́й коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / В. В. Дементьев ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2001. – 37 с.
2. Кита, М. Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка [Электронный ресурс] / М. Кита // Прямая и непря́мая коммуникация : сб. науч. ст. / Саратов. нац. исслед. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Дементьев (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 2003. – Режим доступа : <https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya>. – Дата доступа : 09.02.2024.
3. Нестерова, Т. В. Непря́мая коммуникация в этикетных ситуациях обиходной сферы / Т. В. Нестерова // Русский язык в контексте культуры : сб. науч. ст. участников Междунар. науч. конф., провед. в МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, 10–11 нояб. 2009 г. / Могилев. гос. ун-т ; под общ. ред. Т. Г. Михальчук. – Могилев, 2010. – С. 18–21.
4. Ермакова, О.П. Ирония и ее роль в жизни языка / О. П. Ермакова. – М. : Флинта, 2022. – 202 с.
5. Коновалова, О. А. Иронические стратегии постмодерна в отношении дискурса / О. А. Коновалова // Вестн. Кузбасского. гос. техн. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 152–155.
6. Шатуновский, И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке / И. Б. Шатуновский. – М. : ЯСК, 2016. – 477 с.
7. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 51 с.
8. Булгаков, М. Избранные произведения : в 2 т. / М. Булгаков. – Минск, 1990. – Т. 2. – 543 с.
9. Ильф, И. Двенадцать стульев. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. – Минск, 1981. – 526 с.
10. Зощенко, М. Избранное : в 2 т. / М. Зощенко. – Минск : Народная асвета, 1983. – Т. 1. – 543 с.
11. Заврумов, З. А. Феномен иронии в художественном тексте : прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / З. А. Заврумов ; Дагестан. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 20017. – 56 с.